

Е. А. Ерохина

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: leroh@mail.ru

ПОНЯТИЯ ИМПЕРИИ И НАЦИИ КАК СПОСОБЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Понятия империи и нации вошли в обиход отечественного обществознания и прежде всего политических наук – политической истории, геополитики, социологии национальных отношений, – в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Появление новых лидеров мнений, повышение степени академической свободы, расширение информационных горизонтов – все эти факторы способствовали появлению новых концептов и, как следствие, новых теорий в политологических исследованиях. Однако эти тенденции в развитии политических наук в России порождены не только сменой теоретических парадигм и институциональными изменениями самой науки, сколько специфической цивилизационной и геополитической ситуацией, в которой оказалась Россия после распада СССР.

Одним из самых важных последствий распада СССР для существующих теорий стало то, что к СССР прочно пристало наименование «империя». Формально с точки зрения современного международного права считается, что империи были уничтожены в первые шесть десятилетий XX в. и на смену им пришло современное национальное государство – особая форма государственного устройства, самыми яркими отличительными чертами которой являются притязания на репрезентацию особой легитимной политической общности, на исключительное право властвовать на определенной территории в установленных границах, а также на признании этих претензий другими государствами, заявляющими об аналогичных правах [Бейссингер, 2005].

В своей теоретической статье «Переосмысление империи после распада Советского Союза» М. Бейссингер отмечает, что понятие

«империя» исчезает из языка политических дискуссий и переходит в распоряжение историков в 1970-е гг. В тот период только исследователи-марксисты, изучавшие наследие канувшей в лету европейской колониальной системы, проявляли особый интерес к империям и империализму. Переход от эпохи империй к эпохе национальных государств казался незыблемым и бесповоротным. Для большинства людей сама мысль о том, что в мире где-то существуют империи, представлялась абсурдной [Там же].

Тем не менее распад СССР создал благоприятную почву для серьезного переосмысления представлений об империи. Что дает основания именовать современные государства империями, несмотря на их принципиальное отличие от империй прошлого? Такими основаниями признаются обладание суверенной властью над народами, рассматривающими себя в качестве особых политических общностей, контроль над территорией и геополитические притязания. Империя сегодня – это заявка на определенный, достаточно высокий геополитический статус и цивилизационную миссию. Наиболее явно эта интенция прозвучала в имперских дискурсах А. Дугина и А. Чубайса. Однако такое толкование не исчерпывает все многообразие конвенциональных значений, которым обладает понятие «империя» в современной науке и публицистике. В каких смысловых контекстах оказываются востребованными понятия «империя» и «нация»? Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы показать возможности использования этих понятий в процедурах геополитических измерений этнических и региональных процессов, происходящих в современной России.

* Работа выполнена в рамках Программы СО РАН 32.2, подпрограммы «Этносоциальные процессы и социальная модернизация в Сибири в системе цивилизационных взаимодействий (социологический аспект)».

Память об империи и империя памяти

Концепт «империя» в отечественной науке не является новым. Начиная с 20-х гг. и вплоть до 70-х гг. XX в. в отечественной науке безраздельно господствовало представление о реакционной сущности империй и империализма. СССР с момента своего рождения позиционировал себя на международной арене как последовательный противник европейской системы империй. Хотя «национальный вопрос» в процессе построения был признан «второстепенным» в сравнении с «классовым вопросом», тем не менее большевистское правительство в качестве одного из своих приоритетов обозначило «право наций на самоопределение». Результатом реализации этого принципа на практике стало формирование многоступенчатой структуры национально-государственного устройства СССР – союзные республики, автономные республики в составе союзных республик, автономные округа и автономные области, национальные районы в составе административно-территориальных образований.

В соответствии с доктриной австро-марксизма, каждая из таких национально-административных единиц наделялась своей территорией, нерусскому населению приписывалась этническая номинация, конструировались алфавиты на новых национальных языках. В целях борьбы с «великодержавным шовинизмом» русское население – жителей Великорусских, Малорусских и Белорусских земель бывшей Российской империи, – было признано целесообразным развести по «национальным квартирам» – национальным республикам в составе СССР: России, Украине, Белоруссии.

Хотя в последующее десятилетие произошла реабилитация русскости, а вместе с ней и имперского наследия (в виде светского, а отчасти и религиозного «освящения» символики и отдельных фрагментов российской истории), тем не менее «имперскость» сама по себе оставалась синонимом эксплуатации и угнетения. Понятия «колония» и «метрополия» семантически оставались связанными с представлением о несправедливом социальном порядке. Хотя надежды на мировую революцию не оправдались в первые десятилетия после Октябрьской революции, представления об особой миссии СССР в годы после Великой Отечествен-

ной войны и соответствующие им геополитические притязания после распада колониальной системы приобрели дополнительный импульс. Этот импульс также был связан с представлением об антиколониальном, более справедливым по сравнению с имперским, мировым порядком.

Как же случилось, что СССР после своей кончины вдруг стал синонимом империи в публицистике, а отчасти и в исторической науке? Не претендуя на исчерпывающий анализ ситуации, отметим, что одним из проявлений национального и имперского модусов в описании общества является политика гомогенизации и унификации гетерогенного социального пространства. «Национальный» подход к этой политике предполагает формализацию и стандартизацию социальных категорий и распространение равных прав и обязанностей по отношению к признанным аналогичными социальным группам. Озабоченный сохранением внешнего контроля над самоорганизующимися сообществами, «имперский» подход проявляется скорее в разработке сложной системы взаимного «перевода» норм и статуса между «параллельными» социальными иерархиями. По крайней мере, такой вывод можно сделать из публикуемых исторических исследований А. Каплуновского, М. Кемпера, С. Рабиновича [Империя..., 2005].

Парадокс заключается в том, что сложные конфигурации в национально-государственном устройстве СССР, призванные сделать каркас управления гибким и легко подверженным манипуляциям из центра, сыграли ключевую роль в формировании притязаний культурных групп на статус независимых наций. Результатами национальной политики в годы существования СССР стали: 1) создание этнических элит, заявивших о своем праве на власть в условиях кризиса советской государственности; 2) возникновение феномена титульных и нетитульных народов, обнаружившее особый конфликтогенный потенциал в условиях альтернативных выборов; 3) формирование обширного слоя гуманитарной интеллигенции, непропорционального слою технической интеллигенции, и претендовавшего на особую миссию в выражении национального самосознания; 4) становление национального самосознания с акцентуацией проблемы национальной государственности [Авксентьев, 2004].

Однако двумя вышеуказанными конвенциональными значениями (империя как заявка на геополитический статус и империя как отказ от политики гомогенизации) весь объем содержания этого понятия не исчерпывается. Негативная оценочная коннотация, которая ранее присутствовала в оценках империализма как колониальной системы, «всплывает» в терминологическом консенсусе по поводу противопоставлении нации и империи как легитимного (жизнеспособного) и нелегитимного (нежизнеспособного) способа построения властных отношений. Это значение открывает возможности конструирования «национального языка», отдельного от языка «имперского», как отправной точки социально-политической дифференциации гетерогенного «имперского» общества [Империя..., 2005].

Так, например, в языке самоописания представителей радикальной элиты Татарстана эта республика является прямым наследником Казанского ханства, покоренного Иваном IV в результате военного похода. Это дает основания предъявить определенный исторический счет к Российской империи и СССР. Татары, являясь весьма восприимчивым к импульсам модернизации народом, органично интегрировались в общероссийское пространство. С одной стороны, татарская нация проявила в 1990-е гг. умеренный политический темперамент и вполне определенное стремление решать все вопросы с федеральным центром умеренным и цивилизованным путем. С другой стороны, значительная часть татарской элиты и социума традиционно заявляла претензии на лидерство среди тюркских народов России, а также культурную и политическую интеграцию с ее традиционным геополитическим конкурентом – Турцией как образцом европеизированного тюркизма и исламизма [Бирюков, 2002].

Другой пример дает панмонгольский дискурс. Основанием новой национальной идеологии здесь стал миф о славных героях прошлого (прежде всего Чингисхане), актуализация представлений о «Золотом веке» – XIII столетии. Как отмечают Д. Амоголонова и Т. Скрынникова, «на наших глазах происходит окончательная институционализация «этноидеологии», когда историческая мифология получает санкцию на государственном уровне. 2006 г. объявлен правительством Республики Монголия официальной датой

800-летия образования Чингисханом Монгольской империи, в Республике Бурятия это событие также будет отмечаться как важная часть истории бурят.

Не отказываясь формально от гражданской российской принадлежности, идеологи бурятского национального возрождения пытаются сконструировать «воображаемое сообщество», между членами которого существовали бы более близкие отношения, основанные на общности «земли и крови». Причины укрепления / изобретения этнической идентичности следует искать и в истории взаимоотношений с русскими на протяжении веков, и в страхе ассимиляции-русификации, и в специфике самой России как полиэтнического общества. Новый национальный проект не ориентирован изначально на конфликт с легитимностью российской политической нации. Однако идентификация с историей монголов, с цивилизующим воздействием буддизма, позволяющего расширить границы культурной принадлежности не только до общности монгольских народов, но и до Центрально-Азиатского региона в целом, в перспективе выводит бурятское «изобретаемое сообщество» за рамки Российской Федерации. На наших глазах происходит окончательная институционализация «этноидеологии», когда историческая мифология получает санкцию на государственном уровне» [Амоголонова, Скрынникова, 2005].

Таким образом, «империя» является скорее метафорой, нежели рабочим концептом. Это одновременно метафора силы и метафора слабости постсоветского евразийского пространства. Как метафора она притягательна семантической близостью, с одной стороны, к таким понятиям, как «плюрализм в управлении» и «гетерогенность», с другой стороны – к понятиям «геополитическое могущество» и «цивилизационная миссия». Однако она имеет и «отталкивающий» аспект, сближаясь, с одной стороны, с унаследованными от марксистской традиции «колониализмом» и «империализмом», с другой – с воспринятым из западной традиции понятием «нелегитимность власти».

Удастся ли «забыть о нации»?

В отечественной науке нация, согласно концепции Ю. В. Бромлея, трактовалась, с одной стороны, как высшая форма разви-

тия этноса, с другой – как этносоциальный организм, субъект политического процесса. Это означало, что далеко не всякая этническая группа, обладающая современной (инновационной) социально-демографической структурой, могла считаться нацией, а только лишь та, которая обладала закрепленной в соответствии с законом (в случае с СССР – Конституциями СССР и союзных республик) территорией и национальным языком. Представители этнической общности, проживающие вне этой официально закрепленной «этнической» территории, диаспоры, как мы бы сказали сейчас, составляли, согласно бромлеевской концепции, этникос, т. е. сообщество, объединенное на основе общности культуры и самосознания.

Понимание национализма в советском обществоведении ограничивалось представлением о нем как о некоем принципе идеологии и политики, выражающемся в идеях о национальной исключительности, превосходстве одних народов над другими. Национализм характеризовался прежде всего как результат экономического неравенства. Однако сильные стороны анализа данной проблемы нивелировались двойными стандартами. Создавались парные понятия, описывающие одни и те же явления у «нас» и у «них», но имеющие неотъемлемый антонимичный оценочный оттенок, например, «патриотизм – национализм», «интернационализм – космополитизм».

Десяностые годы XX в. обогатили представление о национализме новым пониманием, в том числе и благодаря переводам исследований британских историков и социологов Э. Смита, Э. Геллнера, Б. Андерсона. Новый подход, обогащенный инструментарием зарубежных исследователей, исходил из посылки, согласно которой причина национализма – это стремление политическими средствами обеспечить культурное единство гражданского сообщества. Само это сообщество представлялось продуктом Нового времени, развития связи и коммуникаций, которые были поставлены на службу новому, нединастийному принципу социальной организации и управления. При этом культурность понималась не как фиксация этнической идентичности в паспорте по кровному принципу «национальности», а как принадлежность к определенному коммуникативному пространству, однород-

ность которого достигается благодаря общей системе образования и единому интерсубъективному смысловому пространству, конструируемому средствами массовой информации. Большое значение в процессе конституирования наций этими исследователями придавалось таким процедурам государственной кодификации, как перепись, этническое номинирование, картографирование и музеефикация [Андерсон, 2001; Геллнер, 1991; Смит, 2004].

Противопоставление гражданского национализма этническому, казалось бы, открывало новые перспективы, ценные не только с точки зрения науки, но и с позиции практической политики, учитывая всю сложность федеративного процесса в России начала 1990-х гг. Распад СССР приобрел инерционную динамику и в отношении новой России. В практической политике того времени идея «возрождения» народов приобрела контур этнополитического самоопределения. Региональные элиты, используя лексику этнически ориентированного национализма, выступали с требованием экономических, властных и статусных привилегий в рамках федеративного государства. Для обоснования статусных притязаний усилиями интеллектуальных элит переписывалась этническая история народов России. Собственный народ описывался как невинно пострадавшая жертва, достойная лучшей участи. Дискуссия вокруг гражданского понимания национализма неявно имела целью поиск оснований для гражданской консолидации полиэтничной России.

Однако в действительности новое понимание национализма лишь усугубило терминологический хаос. В этом смысле показательна дискуссия, получившая освещение на страницах журнала «Pro et contra», участниками которой стали В. Коротева, А. Миллер, П. Кандель и В. Малахов.

В. Коротева, рассуждая о роли государства в националистическом культурном проекте, приходит к выводу об искусственности деления наций на этнические и гражданские. Попытки представить этнический национализм в качестве отрицательного феномена, а гражданский – в качестве положительного она подвергла сомнению. Наиболее реалистичной, с ее точки зрения, является концепция вненационального гражданства как основы консолидации страны [Коротева, 1997].

Ее оппонент – А. Миллер – выступил с утверждением о том, что понятие гражданского общества в России 1990-х гг. XX в. – скорее желаемый идеал, нежели практика. Сам он предложил построить российский национальный проект как русский, придавая «русскости» открытый, надэтнический характер. Миллер также призвал освободить понятие «национализм» от его негативных коннотаций и употреблять в нормативно-нейтральном плане [Миллер, 1997].

С полемической статьей, критически оценивающей проект Миллера, выступил П. Кандель. Кандель нашел эти предложения лишены смысла. Сколь ни придавай надэтнический характер русской идентичности, данный проект останется благонамеренной и совершенно оторванной от жизни утопией. Такое намерение не только не опирается на реальные интересы этнических общностей и сложившиеся социальные практики, но и прямо им противоречит. Кроме того, Кандель усомнился в возможности ценностно нейтрального употребления термина «национализм» [Кандель, 1998].

В ответ на критику Миллер указывает на ряд недоразумений в интерпретации Канделем положений его, Миллера, статьи. Это позволило Миллеру, по мнению В. Малахова, избежать содержательной полемики, укрывшись за терминологической неопределенностью терминов «этнос» и «нация». Сам Малахов в опубликованном в «Pro et contra» по итогам этой дискуссии письме обращает внимание на «объективные недоразумения, накопившиеся в отечественной литературе по национализму» [Миллер, 1997; Малахов, 1999].

Первое недоразумение заключается в терминологическом употреблении понятия «национализм», когда оно применяется и в отношении этнонационализма, и в отношении национализма гражданских наций. Это обстоятельство, как полагает Малахов, позволило Миллеру уйти от критики, намекнув Канделю, что тот в своей критике национализма обращается не по адресу, имея ввиду этнический национализм, в то время как он, Миллер, противник такого ограниченного толкования национализма [Малахов, 1999].

Канделю, конечно, различие двух основных интерпретаций понятия «национализм» хорошо известно. Его сомнения в правомерности ценностно нейтрального употребления этого термина продиктованы соображениями

практического свойства: сколь бы умеренными и либеральными ни были адепты национализма на уровне теорий, на уровне конкретных социальных практик национализм означает не что иное, как стремление к культурной гомогенизации практически всегда разнородного общества [Там же].

Второе недоразумение, которым воспользовался в своем ответе Миллер, порождено многозначностью терминов «нация» и «этнос». Терминологическая конвенция отсутствует не только в литературе и обыденном сознании. Население России, которое хотелось бы квалифицировать как полиэтничное, сплошь и рядом называют многонациональным, в том числе и в тексте Конституции РФ [Там же].

Третье недоразумение Малахов связывает не с русскоязычной традицией интерпретации национализма, а с международной. Речь идет о распространенном мнении, будто бы национализм – родной брат демократии. Малахов высказывает сомнение в правомерности этого тезиса, полагая, что исторически демократия и национализм могут выступать временными союзниками для легитимации нового типа власти (власти народа в отличие от власти монарха), однако логически они представляют собой противоположные установки [Там же].

Возражая Миллеру, указывающего на общее для национализма и демократии основание – суверенитет народа, Малахов обращает внимание на следующее: для демократии «нация» – продуктивная фикция, необходимая для легитимации новой власти, тогда как для национализма – конкретно переживаемая реальность [Там же]. И действительно, как показывает практика, патриотические чувства легко подвергаются манипулированию со стороны властных и символических элит. Часто апелляцией к национальному чувству оправдываются политические действия социальных активистов, направленные на утверждение новых статусов.

В. Тишков в своей полемической статье «Забывать о нации», опубликованной в «Вопросах философии», предложил своеобразный «нулевой» вариант: он рекомендовал отказаться от использования метафоры нации применительно и к этническим группам, и к государственным объединениям. Использовать этот термин, по его мнению, применительно к государству бессмысленно, так

как государство, как его ни назови, есть государство, и называть его национальным все равно, что придавать ему обозначение цвета («голубое», «коричневое» и т. п.). Таким же бессмысленным видится исследователю употребление понятия «нация» в отношении к этническим общностям. Бромлеевское деление этносов на племена, народности и нации представляется ему малопродуктивным [Тишков, 1998].

Примечательно, что, призывая к отказу от использования термина «нация» в отношении политической общности, от имени которой конституируется государственная власть, Тишков неявным образом вступил в противоречие с Б. Андерсоном, последователем которого он себя позиционирует в данной статье. Тишков усматривает в нации всего лишь продукт советской номинации этнических общностей, и не более того. Андерсон же рассматривал нацию не только как социальный конструкт и воображаемый коллектив, но и как единую общность с одинаковой судьбой, не предопределенной изначально, но осмысленной националистом в провиденциалистских категориях.

Сам Б. Андерсон характеризовал мобилизационный потенциал национализма следующим образом. «Сила национализма в его ценностном, почти религиозном с точки зрения его апелляции к предельным основаниям человеческого существования характере связи пространства, времени и человеческой солидарности». Нация появляется, по его мнению, как сознание горизонтального товарищества. «Почему мы... здесь... вместе?», – этот вопрос задают герои его книги «Воображаемые сообщества».

Озабоченность человеком как родовым существом сродни религиозному чувству, она открывает национализму перспективу в будущее. Субъективная древность нации в глазах националиста открывает ретроспективу в прошлое, даже если она входит в противоречие с объективной современностью наций в глазах историка. Удивительным образом Андерсон вторил Вл. Соловьеву, которому принадлежит авторство следующего высказывания: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Это высказывание является ключом к неполитическому измерению национализма. Хотя экзистенциальное наполнение национализма

не является предметом данной статьи, вряд ли можно обойти вниманием этот аспект вообще. Осознание себя частью «своего» народа и переживание связи с «материнской» культурной нередко становится ценностно значимой частью жизненной истории человека. Особенно это относится к так называемым «кризисным» периодам индивидуальной биографии человека, или же к «смутным временам», когда в социальные процессы переходного периода оказываются втянутыми множество людей. Это означает, что «забыть о нации» совсем вряд ли удастся в ближайшее время.

Впоследствии Тишков подверг критике некоторые положения своей статьи. Тем не менее, следует признать, что основной акцент его творчества нацелен на поиски такой модели государственного устройства, которая могла бы минимизировать негативные следствия этнонациональной модели федеративного устройства РФ. Трудно не согласиться с ним, когда он ключевым для понимания нации предлагает сделать такое толкование национализма, которое позволяет рассматривать его как механизм концептуализации политической общности, до этого момента категоризировавшейся совсем в других терминах [Там же].

Иначе говоря, нация как проект реализуется в период геополитических трансформаций, сопровождающихся процессами распада и рождения государств. Национальная идея – это всегда проект, который конкурирует с другими подобными проектами. Победа одного из них зависит от множества факторов, среди которых далеко не всегда решающим оказывается демократический выбор большинства. Однако привлекательность того или иного проекта определяется тем, насколько перспектива, предлагаемая его идеологами, совпадает с реалиями жизненного мира людей.

Список литературы

Авксентьев В. А. Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтности // Вестник СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 1 (11). Режим доступа: <http://nostalgia.ncstu.ru>.

Амоголонова Д., Скрынникова Т. Монгольская империя и Чингисхан в конструи-

ровании идентичности // *Ab Imperio*. 2005. № 4. Режим доступа: <http://abimperio.net>.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

Бейссингер М. Переосмысление империи после распада Советского Союза – 1 // *Ab Imperio*. 2005. № 3. Режим доступа: <http://abimperio.net>.

Бирюков С. В. Республика Татарстан: сепаратистские тенденции // *Русский журн. Политика*. 2002. 24 сент. Режим доступа: www.russ.ru/politics/20020924.

Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Империя как «заявка», нация как «резолуция»? Языки описания общности и различия в мультикультурной среде // *Ab Imperio*. № 3. 2005. Режим доступа: <http://abimperio.net>.

Кандель П. О национализме «с человеческим лицом» // *Pro et contra*. 1998. Т. 3, № 3. С. 124–135.

Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // *Pro et contra*. 1997. Т. 2, № 3. С. 185–203.

Малахов В. О националистическом дискурсе // *Pro et contra*. 1999. Т. 4, № 1. С. 129–132.

Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // *Pro et contra*. 1997. Т. 2, № 4. С. 141–151.

Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма: Пер. с англ. М.: Праксис, 2004. 458 с.

Тишков В. А. Забыть о нации (Пост-националистическое понимание национализма) // *Вопр. философии*. 1998. № 9. С. 3–26.

Материал поступил в редколлегию 23.02.2006